

Татьяна Перцик

Чудеса всё же
ВОЗМОЖНЫ...

Ивановка

Татьяна Герцик

Чудеса всё же возможны...

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Чудеса всё же возможны... / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2012 — (Ивановка)

Есть ли шанс у самой некрасивой девушки в классе завоевать сердце Влада, самого привлекательного парня школы? Конечно, нет, ведь чудес в жизни не бывает. В этом совершенно уверена и Настя, и все остальные. Все, кроме Влада...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Герцик

Чудеса все же возможны...

Глава первая

Голос Алевтины в телефонной трубке звенел настоящим недовольством:

– Все идут, Настя, одна ты кобенишься! После окончания школы десять лет прошло, давно встретиться пора! – После неопределенного хмыканья собеседницы голос стал строже: – Чтобы больше никаких отговорок! Ровно в три в кафе «Радуга»! Не опаздывай! Я тебя с Володькой посажу, посмотришь, каким он стал.

Положив трубку, Настя посмотрела по сторонам, будто ища, где же ей скрыться от вездесущего ока старосты. Эта весть выбила ее из привычной жизни, как пушинку. Боль и горечь, казалось, так хорошо похороненные, всплыли со дна души и понесли по волнам памяти.

Владимир... Или, как она всегда звала его, Влад. Почему-то она не любила имена Вова или Володя и всегда называла его только так – Влад. Одно это имя принесло такую боль, что на висках забились тоненькие сеточки вен.

Настя прижала к вискам прохладные пальцы и закрыла глаза. Память тут же воскресила белозубое насмешливое лицо, глядящее на нее с удрученным отрицанием. Сколько же раз она признавалась ему в любви? Сотню, не меньше...

Началось всё в детском саду. Она не помнила, как они познакомились, но мама говорила, что она была самым рослым ребенком в группе, и привыкла, чтобы все подчинялись исключительно ей. И когда привели нового мальчика, она попробовала командовать и им. Но он этого не стерпел и двинул ее машинкой по голове. Видимо, после этого удара у нее в мозгах что-то заклинило и она в него влюбилась. Как выяснилось, навсегда.

Сколько она себя помнила, они всегда были вместе – и в детском саду, где ходили неразлучной парой и сидели за одним столом, и в школе, где пересели за одну парту. Он был снисходительным парнем и позволял ей за собой ухаживать, несмотря на всю ее некрасивость. Иногда даже заступался за нее.

Перед глазами тут же всплыла сцена, после которой она в первый раз призналась ему в любви.

В каком это было классе? Четвертом или пятом? Они с Любой Городиловой, о чем-то болтая, шли домой после школы, когда на них налетел школьный хулиган Игорь Овчинников. Толкнув ее в сугроб, стал бросать в нее плотно слепленные мокрые снежки и вопить:

– Кому ты нужна, глупая уродка!

Любашка, спасаясь, тут же убежала, а она хотела подняться, но ноги скользили по чуть прикрытому снегом льду. В нее безжалостно летели твердые снежки, с силой ударяя по полудетскому телу и оставляя болезненные синяки на тонкой коже. Она почувствовала себя беспомощной и униженной, и когда поняла, что по лицу невольно потекли слезы, доставляя хулигану истинное наслаждение, даже произнесла запрещенное в их семье ругательство, отчего сконфузилась еще больше и чуть не заплакала навзрыд, чего и добивался подловатый Овчинников.

Он бы еще долго над ней куражился, если бы не Влад. Он спокойно подошел к ним, протянул ей руку, помог встать, и на вопль Игоря:

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! – всё с тем же спокойным достоинством попросил повторить.

Овчинников оглянулся, увидел позади себя изучающе оглядывающего его Славку, друга Влада, вспомнил, что оба они занимаются в секции рукопашного боя, и решил смотаться от

греха подальше. Его дружки, только что поощрительно хохотавшие, моментально рассеялись, стоило им остаться без главаря, и вот тогда у нее вырвалось:

– Я тебя люблю!

Владимир со снисходительной усмешкой посмотрел на нее и мягко посоветовал:

– Иди домой и умойся!

Она старательно отряхнулась и пошла домой со странным чувством невесомости, улыбаясь сквозь невысохшие слезы. Умылась и впервые по-женски придирчиво посмотрела на себя в зеркало. И поняла, что шансов у нее нет никаких.

В кого она удалась такой некрасивой, никто не знал. Мама у нее женщина приятная, даже симпатичная. Отец от них давно ушел, но, судя по старым фотографиям, он тоже уродом не был, а вот она...

Длинный крючковатый нос, как у бабы-яги в фильмах Александра Роу, узенькие, чуть косящие глазки, да еще длинный большой рот с траурно опущенными вниз уголками губ. Ей страшилищ можно играть без грима.

Но она всегда была оптимисткой и считала глупостью ныть, каким бы существенным не был повод. Поняв, что на конкурсах красоты ей ничего не светит, переключилась на книги. Забавные приключения и выдуманные страсти здорово отвлекали от сознания собственной неполноценности, но учиться не помогали. По русскому с литературой, ну еще по ботанике-биологии у нее стабильно были пятерки, а вот по алгебре-физике, то бишь точным наукам, она не вылезала из троек.

На путь истинный ее наставил всё тот же Влад, который всегда был отличником и не понимал, как можно умному человеку, а он не скрывал, что считает ее умным человеком, учиться на тройки. После очередной полученной ею двойки по геометрии, он, скривившись, сказал, что с такими оценками, как у нее, можно рассчитывать лишь на поступление в кулинарный техникум, так как в десятый класс ее точно не примут.

В ее ушах до сих пор стоял его уничижительный голос:

– Будешь пирожные украшать. Это у тебя хорошо получится.

У нее и в самом деле были изящные ловкие пальцы, но этот сомнительный комплимент заставил ее взяться за ум. Это да еще страшная мысль о том, что иначе ей за одной партой с Владом больше не сидеть. Она начала усердно заниматься и скоро догнала других, более успешных одноклассников. Правда, несколько раз пришлось обращаться за помощью к Владу – по алгебре с физикой самостоятельно восполнить пробелы не получалось.

Он приходил к ней домой, по-свойски пил с ней чай на кухне, потом доступно объяснял ей всё, что она не понимала. Им было очень хорошо вместе, когда никого не было рядом, и никто не глазел на них круглыми глазами, удивляясь их неравной дружбе.

Настя знала точно, что он чувствует то же, что и она – иначе Влад просто не стал бы тратить на нее свое драгоценное время. С другими, даже самыми красивыми девчонками, он так не валандался. Она прекрасно помнила, с каким пренебрежением он ответил на кокетливую просьбу первой красавицы школы Светы, учившейся в параллельном А классе, объяснить ей теорему. Давая понять, что прекрасно понимает: дело здесь вовсе не в теореме, Влад окинул красотку с ног до головы полупрезрительным взглядом и холодно заявил, что подобными пустяками ему заниматься некогда.

Светлана жутко покраснела, а Настя с благодарностью подумала, что с ней Влад никогда подобным тоном не говорил, и для нее у него время всегда находилось. Позже, правда, неприятная мысль, что делает он это исключительно из жалости, несколько омрачила ее радость, но уж тут она ничего поделать не могла. Пусть даже и из жалости, она была искренне благодарна ему и за такую малость.

В общем, девятый класс она закончила всего с двумя четверками – по физике и физкультуре, и в десятый ее перевели без проблем.

Первого сентября им, как взрослым и ответственным людям, разрешили сидеть с кем хочется. Все парни класса, утверждая мужское достоинство, демонстративно отгородились от девочек на задних партах. Она была уверена, что Влад сядет со Славкой, и приготовилась куковать в одиночестве. Устроившись на своем старом месте на третьей парте у окна, с нарочитой бравадой утешилась: зато теперь жить она будет очень привольно, ведь на пятнадцать двухместных парт в их классе всего семнадцать человек. С ней наверняка никто сидеть не будет. Сплошной простор!

Когда Влад, еще более выросший и возмужавший за летние каникулы, так же, как и все предыдущие девять лет, небрежно шмякнул рядом с ней свою сумку, она не нашла ничего лучшего, как потрясенно сказать:

– Ты же здесь больше не сидишь...

Медленно выпрямившись, он сердито посмотрел на нее и холодно спросил:

– Почему? Ты не хочешь, чтобы я здесь сидел? У тебя другой компаньон?

Смутившись, она неловко пробормотала:

– Да нет, но разве ты хочешь сидеть со мной?

Ей показалось, что он с облегчением вздохнул, но тут же нахмурился, уселся за партой и бросил:

– Не решай ты за меня ничего, пожалуйста! У меня и у самого голова на плечах есть!

Она до сих пор помнит то ощущение неземного счастья, даже блаженства, охватившего ее тогда. Влад как-то странно на нее посмотрел и неопределенно хмыкнул. Посмотрев по стонам, она заметила, что смешанная пара среди одноклассников только одна – их.

Она оценила самоотверженность Влада, ведь наверняка над ним будут подшучивать все его друзья. Хотя вряд ли кто-то решился бы на откровенную издевку – Влад никогда не спускал шутникам обиды, особенно, если это касалось Нasti.

Два года пролетели как одно мгновение. Она бежала в школу, как на свидание, и уходила неохотно, как девушка, насильно разлучаемая с любимым. Но ее грела мысль, что на следующий день она снова будет сидеть рядом с Владом, болтать с ним, смеяться.

Выпускные экзамены принесли ей настоящее горе. Нет, оценки у нее были хорошие, но вот что дальше? Она знала, что больше никогда, никогда не будет счастлива. Больше не сидеть ей рядом с Владом на одной парте, не слышать искренний вопрос «как дела?», не ходить с ним на баскетбол или хоккей.

В предчувствии разлуки болезненная пустота захватывала ее всё сильнее и с каждым днем становилось всё труднее и труднее скрывать свои чувства.

В мае занятий уже не было, но она еще встречалась с Владом на консультациях, снова чувствовала рядом с собой тепло его сильного тела, и эти редкие встречи приносили столько сладко-щемящего чувства, что она потом весь день молча шаталась по квартире, прощаясь и с детством, и со своей единственной непризнанной любовью.

А потом был выпускной вечер...

Не в состоянии спокойно вспоминать о том ужасном дне, Настя вскочила и, обхватив голову руками, забегала по комнате, пытаясь убежать от унизительно-сентиментальных воспоминаний.

На выпускной вечер мама сшила ей красивое бело-розовое платье, подчеркивающее ее единственное достояние – неплохую фигурку. Кружева и блестящие пуговицы делали его похожим на платье юной принцессы. Она даже вообразила, что выглядит в нем лучше, чем всегда.

В актовом зале они разбились на группы. Она оказалась с девочками, демонстрирующими свои роскошные балльные наряды, а он с парнями, намеренно на эти наряды внимания не обращающих. Влад был в строгом темно-сером костюме, при шелковом галстуке и казался уже таким взрослым и незнакомым, будто появился из совсем другой жизни. Кроме него, она никого больше не замечала. Девчонки о чем-то говорили, кого-то обсуждали, но она лишь тупо

кивала головой, вся устремленная к одному человеку. Чувства настолько обострились, что она слышала каждое его слово, видела каждый жест и понимала, что он уже вычеркнул ее из своей жизни. Во всяком случае, на нее он ни разу не посмотрел.

После прощальных речей директора и завуча они пошли в снятое заранее кафе, где она, терзаемая тоской и сожалениями, снова очутилась вдалеке от Владимира и могла лишь изредка осторожно взглядывать в его сторону. После кафе они всем классом отправились гулять по набережной, счастливые от осознания своей взрослости и свободы.

Единственная, кто не радовался, была она. Сердце щемило, хотелось плакать. Казалось, что всё хорошее в ее жизни в эти прощальные минуты заканчивается, и уже никогда, никогда не повторится. Влад был доволен, шутил и смеялся, а ей хотелось тихо умереть.

Под утро, не выдержав, она отозвала его в сторонку и принялась жалостливо прощаться. До сих пор не понимала, что такое с ней произошло – она всегда была сдержанным человеком и свои чувства не демонстрировала. Может быть, впала в транс? Это казалось хорошим оправданием своему поведению – бессонная ночь, свежий воздух, волнение... Конечно, она и раньше признавалась ему в любви, когда сердце переполняла восторженная нежность, но всегда делала это нарочито не серьезно, под видом дружеской шутки. А тут...

Настя прикрыла рукой глаза, с содроганием вспоминая нелепо-трогательную сцену. Она была взволнована, он подчеркнуто спокоен. Видимо, предчувствовал и подготовился заранее. А может и нет, просто, как воспитанный человек, не давал воли своему возмущению. Она слезливо лепетала ему о своей вечной любви, о безмерном страдании, о том, как она сожалеет, что они не пара, и как ей будет плохо без него.

Молча выслушав ее любовные бредни, Владимир сухо произнес:

– Ну, мы с тобой не в разные города уезжаем, а где жили, там и будем жить. Можешь прибегать на огонек. То, что мы не пара, всем давным-давно известно, но это не мешало нам быть друзьями все годы нашего знакомства. – И с легким смешком добавил, давая ей возможность сохранить лицо: – И с чего ты такая квелая? Шампанского на радостях перепила, что ли?

Шампанского она не пила вовсе, ей его и не досталось, но об этом она парню не сказала. Кривовато улыбнувшись, прохрипела:

– Наверное... – и они вернулись к дружно поющему классу, чтобы присоединиться к общему хору.

Чуть пошмыгивая носом, она окончательно осознала, что Владимир не воспринимает ее как представителя противоположного пола, для него она этакий «свой парень», и надеяться на то, что он когда-нибудь разглядит в ней что-то более интересное, ей не приходится.

Одноклассники встретили рассвет над рекой, вернулись к школе, попрощались и разошлись по домам.

У нее началась взрослая и очень тоскливая жизнь. Не найдя ничего лучшего, она поступила в медакадемию. Решила стать педиатром, потому что дети, особенно маленькие, ей нравились. Вряд ли у нее будут свои, а так какая никакая, а компенсация.

Их группа состояла из одних девчонок, поэтому особо ужасаться ее некрасивости было некому. Конечно, поначалу на нее косились и однокурсницы и преподаватели, но быстро привыкли. Всё-таки откровенным уродом она не была. Хотя, если верить Леонардо да Винчи, уродство не менее ярко и привлекательно, чем красота.

На студенческие вечеринки не ходила, сидела дома, читая книги и слушая музыку. Со школьными подругами как-то невзначай разошлась, у тех появились новые друзья, новые заботы. Да, честно говоря, особо близких подруг у нее в школе и не было. Она все свои душевные силы отдавала Владу, и на других уже ничего не оставалось. Зато в академии она подружилась с двумя девочками из группы – Таней и Викой, такими же тихонями, как и она сама. Вместе с ними ходила в театры, на концерты, в общем, старалась не скучать.

О Владе знала только, что он поступил в универ на юрфак и будет адвокатом. Сама о нем ни у кого не выпрашивала, одноклассницы же при ней о Владимире старались не говорить, чтобы не травить ей душу: о Настиной безответной любви в классе знали все.

Она старалась смириться со своей планидой, по макушку загружая себя различными делами и истово надеялась, что со временем если не забудет, то хоть вспоминать о нем сможет без саднящей боли в сердце.

Она уже почти убедила себя, что Влад давно о ней забыл, зачем она ему, когда вокруг полно умных и красивых девчонок, когда он сам позвонил ей перед Новым годом. Поздравил с праздником, расспросил, как дела, рассказал о себе и одноклассниках, и в конце каким-то сконфуженным тоном признался, что жутко по ней соскучился, чем сразил ее напрочь.

Задохнувшись, она не смогла выговорить ни слова из-за перехватившего горла спазма, и он, не дождавшись ответа, хмуро попрощался и повесил трубку. После этого звонка она не смогла уснуть и всю ночь проворочалась с боку на бок, уверяя себя, что это просто банальная формула вежливости и совершенно ничего не значит, и всё равно невесть на что надеялась.

Потом он стал звонить регулярно, пару раз в неделю, и они с ним болтали по полчаса, а то и больше. Влад называл это «отвести душу» и заявлял, что ни с кем не чувствует такой духовной близости, как с ней. Она испытывала то же самое. После разговора с ним жизнь казалась такой прекрасной, что хотелось петь.

Она с нетерпеливой тоской ждала его очередного звонка, чтобы услышать ласково-ироничный голос, говоривший ей «здравствуй, моя радость!». Порой он звучал так приветливо, что она невольно начинала думать, что Влад чувствует то же, что и она, и ей стоило большого труда обрести прежнее равновесие. Не помогало даже зеркало, настоятельно предостерегавшее ее от напрасных надежд и мечтаний.

После каждого разговора с Владом из глубины измученной души всё чаще вырывался вопль – а вдруг? Ведь бывают же чудеса на свете...

Так они болтали пять лет, почти до окончания Настей медакадемии. Владимир несколько раз предлагал ей встретиться и поговорить вживую, но она упрямо отказывалась, изобретая для этого самые немыслимые предлоги.

Нет, ей очень хотелось увидеть Влада, полюбоваться его широкими плечами и красивым мужественным лицом. Вот если бы при этом можно было остаться невидимкой... Но, поскольку это невозможно, то лучше им и не встречаться. Она надеялась, что за прошедшие годы из памяти Влада стерся ее далеко не пленительный образ, и он помнит только ее довольно приятный голос. Так для чего напоминать ему о том, что она, по сути, не красивее бабы-яги? Пусть уж лучше так.

На последнем курсе, в мае, гуляя после занятий с девчонками по театральному скверу, она увидела Владимира. Он почти не изменился. Только стал еще привлекательнее и выше. Да и в плечах раздался. Как обычно, одет был с иголочки – в тонкую кожаную куртку и отменно сидящие на нем черные брюки.

Он был не один. Рядом с ним шла прелестная светлокудрая девушка в ярко-синем плаще, играющем на солнце радостными искорками. Влад нежно обнимал ее за плечи, наклонял к ней свое красивое лицо и что-то весело говорил, сверкая ровными зубами. В ответ девушка заливисто смеялась, сияя задорными глазками, и Влад поощрительно улыбался.

Когда же он наклонился и быстро поцеловал спутницу в пухлые губки, не выдержавшая истязания Настя сказала подругам:

– Ой, я совсем забыла, мне же мама велела хлеба купить, она сейчас с работы придет! – и убежала, оставив их недоуменно смотреть ей вслед.

Но Насте было всё равно, что о ней подумают другие. У нее была одна цель – прибежать домой и вдоволь нареветься без свидетелей.

Заскочив в квартиру, как в убежище, вдруг поняла, что плакать не может – в груди что-то закаменело, и сухие глаза жгло от непролитых слез. Они стояли у горла, мешали дышать, но наружу не вырывались. Облегчения не было. Ощущение предательства раздирало на части, хотя это было неуместно – Влад никогда ничего ей не обещал, за всё время их знакомства даже не намекнув на что-то более глубокое и возвышенное, чем дружба.

Но она всё равно чувствовала себя обманутой. Это очень смахивало на примитивную ревность, но избавиться от нее не хватало сил. Обида, для которой не было оснований, огнем опалила сердце, и она решила разорвать этот замкнутый круг. Она не желала больше служить Владимиру психотерапевтом. Она вообще не желала его больше знать. Хватит!

Когда домой пришла мама, то даже испугалась, увидев лицо дочери – опухшее и болезненное. Успокоилась только тогда, когда Настя уверила ее, что это всего лишь легкая простуда и скоро пройдет.

Через день Влад, как ни в чем ни бывало, снова позвонил ей, но она ровным тоном попросила его больше ей не звонить. Удивившись, он принялся горячо выпытывать, почему. Ничего не выведая, уверился, что у нее появился другой, и заявил, зло задышав в трубку:

– Ну, раз теперь я мешаю тебе жить спокойно, то конечно, звонить я больше не буду. Но только скажи, кто он? Как его зовут?

Ей послышались в его голосе ревнивые нотки, но она решила, что это ей просто показалось. Независимо ответила:

– Ты его всё равно не знаешь, так зачем тебе его имя?

Он сердито возразил:

– А если знаю?

Хмыкнув, она саркастично заметила:

– Ну, тогда тебе тем паче о нем ничего знать не нужно. Еще расскажешь обо мне какой-нибудь компромат. Так что пока, и будь счастлив! – и безжалостно положила трубку.

Прекрасно зная его страсть к лидерству, и то, что он никогда не оставляет последнее слово за другими, на следующий же день купила определитель номеров и не поднимала трубку, если видела, что звонит Владимир. Он долго не успокаивался, и на дисплее определителя почти год высвечивался опасный номер, но потом все же сдался и больше не звонил. Увидеть ее и не пытался, чему она была только рада.

С тех пор прошло два года, она почти успокоилась и научилась гнать прочь мысли, причинявшие столько боли. Работала участковым педиатром в детской поликлинике их микрорайона, знала практически всех детей на своем участке. Жизнь текла пусть и монотонная, бесцветная, но зато спокойная. Но год назад внезапно заболела мама и, не дав дочери времени опомниться, умерла. Почечный криз. Это был настоящий удар. Мама никогда ни на что не жаловалась и, казалось, всё хорошо. И вдруг... Настя приходила в себя весь год, остро чувствуя свое одиночество и ненужность.

Только-только она начала спать по ночам, не обливаясь слезами от мыслей о своей бес-
таланной судьбе, как изуверский приказ Алевтины снова швырнул ее в пучину воспоминаний.

Прошло несколько суматошных дней, во время которых она металась от полного неприятия подобной встречи до робкого «а вдруг?»...

Чем больше проходило времени, чем больше она думала о встрече, тем больше ей хотелось видеть Влада. Потихоньку желание хоть ненадолго оказаться с ним рядом, вспомнить ощущение забытого уже счастья превозмогло опасения, и она решилась идти. Чтобы укрепить свой дух, купила симпатичный брючный костюмчик, придававший ее фигурке некоторую сексуальность.

Утром в субботу посетила парикмахерскую, сделала стрижку и маникюр, и ровно в три, как и было велено, пришла к «Радуге».

Глава вторая

Погода стояла хорошая, светило последнее солнышко, мягко согревая землю, и почти все одноклассники толпились у входа, не спеша заходить в мрачноватое здание. Тайком оглядевшись по сторонам, Настя не увидела ни Владимира, ни Вячеслава. Наверняка они приедут вместе. Они и в школьные времена были друзья не-разлей-вода.

Девчонки были разряжены в пух и прах, кто подчеркивая цветущую красоту, а кто скрывая раннее увядание. Настя посмотрела на свой бесформенный серый балахон, в который нарядилась в последнюю минуту, решив, что в нем не будет привлекать к себе излишнего внимания, и пожалела о своем опрометчивом решении.

Завидев ее неприкаянность, Аля провела ее за столик, где уже сидели Люба Городилова и Маша Иванова. Одно место оставалось свободным, но вот для кого? В школьные годы Вячеславу нравилась Любаша, но она предпочла ему Пашку из параллельного класса. Они даже поженились после школы, но, как водится, этот ранний брак счастья никому не принес, и через пару лет они разбежались, успев обзавестись потомством. Насколько Настя знала, с той поры у Любы так никого и не было.

Кого посадит к ним Аля? Вячеслава или Владимира? Настя почувствовала, как от волнения начинает биться венка на виске, предвещая приступ мигрени, и разозлилась на себя. Ну, сколько же можно? Ей же уже двадцать семь! Взрослая женщина!

Вдруг сердце дало резкий сбой, а потом заскакало, как заяц от лисы. Она резко повернулась к входу и разочарованно охнула – там никого не было. Неужели ошиблась? Раньше она всегда чувствовала, когда в помещение входил Влад, даже если и не смотрела в его сторону. Но через минуту в зал и в самом деле вошли долгожданные Владимир с Вячеславом, и Настя поняла, что прежних навыков не утратила.

Сделав вид, что ничего не замечает, продолжала слушать рассказ Маши о своих отпрысках, умудряясь при этом давать дельные советы по их воспитанию. Краем глаза обнаружила, что замерла не только она, но и Любаша. Видимо, у той тоже были определенные виды на этот вечер, иначе с чего бы ей так напрягаться?

От непосильного стремления быть бесстрастной немного перекосило рот, но Настя упрямо улыбалась, делая вид, что ей всё равно. С тайной надеждой, перемежаемой отчаянием, ждала судьбоносного решения Алевтины – кого она посадит рядом, Влада или Вячеслава? Того же ждала и Любаша, требовательно глядя на старосту. Вдруг Настю обдало жаркой волной понимания – Люба наверняка уже обо всем договорилась с Алей и та усадит с ними Вячеслава.

Утратив от разочарования самоконтроль, резко повернулась и встретилась взглядом с глядевшим на нее в упор Владом. Ее немедля кинуло в жар, но от тяжкого беспокойства щеки тут же побледнели, и она уставилась в стол, не понимая, почему он смотрит на нее с таким откровенным вызовом.

Аля кинулась к вошедшим, указывая им на разные столики. Но Влад, чему-то незаметно усмехаясь, склонился к ней, и, положив руку на сердце, негромко о чем-то попросил, с преувеличенной мольбой заглядывая старосте в глаза.

Настя отметила, что у любого другого эти жесты казались бы неестественными и помпезными, но у Влада получились органичными. Впрочем, так было всегда. Какие бы театральные штуки он не откалывал, смотрелись они вполне комильфо.

Расцветшая Алевтина тут же пошушукалась с Машей, и та без возражения пересела за соседний столик. На освободившееся место рядом с Настей Алевтина усадила Владимира, напротив – Вячеслава, и убежала устраивать других пришедших.

С замирающим сердцем Настя посмотрела на Влада. Излишне вежливо, как с малознакомым, поздоровалась с ним и заслужила в ответ кивок и небрежное «привет!» Ей показалось,

что он был чем-то недоволен, и она внутренне содрогнулась, уверенная, что недоволен он ее присутствием. А с чего бы ему еще так странно кривить бровь и смотреть на нее с откровенным предупреждением в красивых карих глазах?

Как истые рыцари, мужчины принялись ухаживать за дамами. Вячеслав наклонился к Любаше, уж слишком развязно при этом усмехаясь, и та отвечала ему на редкость многообещающей улыбкой. Влад был непроницаемо приветлив, вернее, демонстрировал такую фальшивую заботу, предлагая Насте то вина, то салфетку, что она несколько растерялась и не знала, как себя с ним вести.

Такого Владимира она не помнила. Когда же он успел стать таким язвительным и церемонным? Если бы она не знала всю историю их отношений, то подумала бы, что чем-то здорово ему досадила, но ведь ничего подобного между ними не было. Не мог же он до сих пор злиться на нее за то, что три года назад она прекратила с ним пустые разговоры, это же просто смешно!

Попыталась вести себя как ни в чем не бывало, но присутствие Влада напрочь выбивало из колеи. И не просто присутствие, в конце концов они были знакомы пятнадцать лет и провели вместе времени больше, чем иные муж и жена, а невидимая, но тем не менее явственно ощущаемая ею агрессия, лавинообразным потоком идущая от него и угрожающая смыть ее вместе с собой.

Она отодвинула кресло, надеясь, что расстояние уменьшит силу его энергетики, но он, не сделав ни одного видимого движения, тут же умудрился переместиться следом за ней и оказался даже ближе, чем был до ее маневра. Поняв, что ей всё равно не скрыться, Настя откинулась на спинку кресла и растянула губы в мягкой снисходительной улыбке, той самой, которой улыбалась, когда молодая неопытная мамочка с ужасом вещала ей об очередной ужасной болезни, обнаруженной ею у своего дитяти.

Заметив эту провокационную улыбочку, Влад нахмурился еще больше и кошачьим движением подвинулся еще ближе, так, что она почувствовала тепло, идущее от его тела. Он однозначно решил смутить ее. Но вот зачем? Что на него нашло?

Он снова предложил ей выпить вина, и снова она отказалась.

Он изучающе посмотрел на нее и саркастично поинтересовался:

– Ты совсем вина не пьешь? – В его голосе слышалось недовольство ее слишком идеальным поведением.

С укором посмотрев на его слишком низко склоненное к ней лицо, Настя без задней мысли призналась:

– Я не пью красное, у меня от него голова болит.

– А какое ты пьешь?

Слегка пожав плечами в знак неодобрения его настырностью, она призналась:

– Белое полусладкое. Но такого здесь нет.

Влад быстро встал и пошел в бар. Вернулся с бутылкой полусладкого белого шардонэ. Не спрашивая, налил ей полный бокал и плеснул себе на доньшко.

– Жаль, что я на машине, даже выпить с тобой не могу. Но давай хоть чокнемся.

Удивленная Настя подняла бокал и он со звоном сдвинул свой бокал с ее. Одним глотком выпил вино, глядя на нее сквозь прозрачный хрусталь. Этот жест показался ей таким интимным, что она порозовела и быстро опустила глаза. Но горевшей кожей всё равно чувствовала его пристальный взгляд.

Сегодня всё во Владимире приводило ее в замешательство. Она не понимала его странного поведения, и это ей чрезвычайно не нравилось. Привычный, устойчивый и довольно безопасный мир вдруг покачнулся и приобрел болезненно-незнакомый, какой-то опрокинутый вид. Не зная, чего ждать от этого одновременно такого знакомого и такого непостижимого Владимира, погруженная в анализ собственных ощущений Настя не заметила, когда ее бокал вновь стал полным. Пригубив его, она встrepенулась и с неловким смешком заметила:

– Ты что, напоить меня хочешь?

На что Влад ответил пугающе загадочно, интимно понизив голос:

– А почему бы и нет? Насколько бы всё стало проще...

Настя изумленно округлила глаза, но спросить, что же он конкретно имеет в виду, не решилась. Возможно, ответ ей вовсе не понравится...

Привыкшая быть в центре мужского внимания Любаша не выдержала безразличия Владимира и настойчиво предложила мужчинам выпить по стопочке коньяка, но те дружно отказались, сославшись на то, что оба за рулем.

Обидевшись на отказ, Люба с язвительным смешком заметила:

– Говорят, что некоторые мужчины гораздо больше любят свои машины, чем своих подруг.

На что Влад, покосившись на Настю, с изрядной долей иронии заметил:

– Ну, это зависит от качества машин и подруг.

Ее задел этот саркастичный взгляд, и она вдруг неожиданно для себя выпалила:

– Да это только от мужчин зависит, от их приоритетов. – И в чуть презрительной гримасе изогнула свой большой рот.

Владимир переглянулся с другом, оценивая ее слова. Что ж, теперь, что бы он ни ответил, это будет истолковано однозначно – у него неверные приоритеты. С тайным одобрением посмотрел на Настю, прикрыв глаза тяжелыми веками.

Настя мысленно поставила себе пятерку за мастерский ответ и стала ждать ответного хода. Но его не последовало. Она была разочарована: неужели он даже спорить с ней не желает? В школе он делал это с настоящим запалом, но, как правило, соглашался с ней под давлением приводимых ею неопровержимых аргументов.

Она вскинула взгляд, намереваясь сказать ему что-нибудь язвительно-вызывающее, и вздрогнула от голодного выражения его глаз. В них горел настоящий огонь. Она даже не могла подобрать нужное слово для обозначения выражения подобного взгляда. Что страсть в нем присутствовала, это бесспорно, но вот какая?

Квартет музыкантов на небольшой эстраде заиграл медленный танец, и Любашка, большая любительница потанцевать, потащила за собой Вячеслава. Настя и не надеялась на подобное приглашение – мужчины всегда игнорировали ее присутствие, но Владимир, как благовоспитанный кавалер, встал и склонился перед ней в чопорном поклоне, четко, как для глухой, выговаривая приглашение на танец:

– Окажите мне честь, сударыня, соблаговолите станцевать со мной этот небольшой вальс. – Почему-то он подчеркнул слово «небольшой», будто она была по меньшей мере глубокоим инвалидом и нормальный танец был ей не под силу.

Стараясь скрыть гулкие удары сердца, Настя плавно встала и подала ему тонкую руку, отвечая в том же духе:

– Благодарю вас за оказанную мне честь. Я с огромным удовольствием принимаю ваше приглашение!

Влад засмеялся и уже непринужденно воскликнул:

– Вот за что ты мне нравишься – с тобой никогда не бывает скучно! – и закружил ее по небольшому залу.

Танцевать Настя умела, недаром в детстве ходила в студию бальных танцев, кое-какие навыки сохранились до сих пор. Они танцевали, обмениваясь мнениями о встрече и посмеиваясь, как прежде. Казалось, Влад потихоньку оттаивает. После особо сложного поворота он заметил:

– А ты хорошо танцуешь! Впрочем, ты же всю начальную школу на танцы проходила.

Она не смогла скрыть своего удивления.

– Не думала, что ты помнишь такие незначительные события из моей жизни.

Почему-то по-детски надувшись, Влад в наказание за подобные слова с силой крутанул партнершу вокруг своей оси. Ей пришлось крепче уцепиться за него, чуть коснувшись грудью его груди. Это ему неожиданно понравилось и он сказал уже куда мягче:

– Я-то много чего о тебе помню, это тебе на меня наплевать.

Наплевать? Что это значит? Настя вопросительно посмотрела на Влада, безмолвно прося разъяснить сей вздорный тезис, но он замолчал, неодобрительно поджав губы. Настя вспыхнула и уже открыла рот, чтобы напомнить ему о девушке, встреченной с ним в театральном парке, но замолкла на полуслове, поняв, что тем самым выдаст причину прекращения невинной телефонной болтовни.

Скажи она о его подруге, и пришлось бы признать, что ее снедает примитивная ревность. Не дай Бог, Влад решит, что она любит его до сих пор, а этого никак нельзя допустить. Надо сохранить хотя бы жалкие остатки гордости. Конечно, он знает, что в школе она его любила. Но то была робкая полудетская любовь и ничего общего с ней, выросшей и поумневшей Настей, не имеет.

Нет уж, лучше ему ничего не знать.

Влад с напряженным вниманием смотрел на ее лицо, будто читая все ее тайные мысли, и, чтобы отвлечь его от ненужных открытий, Настя кивнула головой в сторону танцующих неподалеку Вячеслава и Любаши.

– Интересно, как себя чувствует Славка? Хорошо ему или плохо?

Вопрос был актуальным – Любашка так обвилась вокруг своего кавалера, что было непонятно, как он вообще стоит на ногах.

Бросив на них ироничный взгляд, Владимир вдруг встрепенулся и заявил:

– Я смогу ответить на твой вопрос, только если испытаю нечто аналогичное. Попробуешь?

Она так поразилась, что даже сбилась с такта. Он что, флиртует с ней? Но зачем? По привычке? И приобрел он эту милую привычку явно не с ней, потому что в годы их дружбы ему ничего подобного и в голову не приходило. Ответила шутливо, но при этом невольно представив, как она обнимает его, а он в ответ прижимает ее к себе всё сильнее и сильнее:

– При таком борцовском захвате ты меня удержать не сможешь, я далеко не маленькая, а барахтаться с тобой на полу мне что-то не хочется.

Влад с вспыхнувшими глазами вдруг притиснул ее к себе так, что она распласталась по его сухощавому телу, и озаренно заявил:

– Да, нам с тобой лучше побарахтаться в другом, более подходящем месте.

Это ее возмутило, к тому же любопытствующие лица сидящих вокруг девчонок добавили негодования в ее обвинительную речь.

– Ты что, перепутал меня с одной из своих любовниц? Посмотри, дорогой, я на них вовсе не похожа! Но, если тебе так хочется испытать аналогичное тому, что испытывает твой друг, советую пригласить кого-нибудь из шустрого молодняка – вон посмотри, как на тебя смотрит вон та весьма сексапильная штучка! Съесть готова без соли! – она и сама понимала, что ее тон слишком уж пренебрежителен и не соответствует ее настроению, но остановиться не могла.

В запале она вполне могла сказать такое, о чем потом искренне бы пожалела, но тут, на ее удачу, музыка смолкла.

Потемневший Влад отвел ее на место и, сквозь зубы заявив:

– Благодарю за незабываемый танец! – отправился под зазвучавшее томное танго к указанной ею красотке.

Та вскочила ему навстречу с нескрываемой готовностью. Настя тут же пожалела о своем опрометчивом совете. Девчонка была очень молоденькой и очень хорошенькой. В коротюсеньком обтягивающем платье, оголявшие стройные ножки, и черной кофточке с большим декольте, она выглядела потрясающе сексуальной. С зазывной улыбочкой на узенькой, какой-

то лисьей мордочке, подняв просительную физиономию вверх, она что-то умильно лепетала крепко обнимавшему ее мужчине.

Это была поистине страшная месть. Насте хотелось и смеяться и плакать одновременно, потому что девица и в самом деле обвинилась вокруг Влада, будто лиана, оглаживая его, как большого кота. А он, казалось, этому был очень рад. Во всяком случае, смотрел он на партнершу весьма снисходительно.

Или это ей просто казалось? Ведь бесстрастным наблюдателем ее назвать никак нельзя. Иногда Влад с плохо скрытым злорадством поглядывал на нее, будто намекая на то, что она потеряла. Сжавшись в болезненный комочек, Настя нацепила на лицо равнодушную улыбку и отвернулась, сочтя, что и без того достаточно послужила шутом гороховым.

Но одноклассницы, в отличие от нее, такую подлость спускать никому не собирались. Они сочли этот наглый танец настоящей изменой их давнему сообществу. Вокруг стали раздаваться неодобрительные возгласы, призывавшие Владимира к порядку. Когда музыка наконец замолчала, он прошел за свой столик сквозь обстрел негодующих взглядов.

Пряча боль под ироничной маской, Настя негромко проговорила:

– Это и в самом деле было незабываемо. Я всё ждала, когда эта предприимчивая девушка спустит с тебя штаны, но почему-то она на это не решилась. Я думаю, это потому, что ты был с бедняжкой слишком строг.

Влад затрепыхался, готовясь адекватно ответить на издевку, так откровенно слышавшуюся в Настином голосе, но тут к их столику направилась недовольная им Алевтина, и он позорно сбежал на улицу, не приняв боя. За ним отправился и Вячеслав, оставив их с Любашей вдвоем.

Оценивающе посмотрев им вслед, Люба налила себе стопку коньяку, лихо опрокинула ее и предложила:

– Хочешь? – Настя отрицательно покачала головой, она пила только вино, купленное Владом, и мешать напитки не хотела.

Одноклассница, нервно потирая ладони, сокрушенно призналась:

– Ты знаешь, я такая дура была. Да и сейчас ею осталась. Когда Славка за мной ухаживал, мне всё казалось, что он меня недостойн. Я же красавица, из такой приличной семьи, а он кто? А теперь всё оказалось наоборот. Да уж, здорово учит судьба.

Настя вздохнула. Ну, ее-то судьба давно научила, наделив такой внешностью. Хотя, кто знает, не была бы она еще несчастнее, будь такой милашкой, как Люба. По сути, обе они горемыки.

Вокруг раздался странный шум, и они растерянно посмотрели по сторонам. Оказывается, заметив, что парни потихоньку ушмыгнули на улицу, девчонки двинулись за ними следом, и сейчас плотной толпой выходили из кафе. Любаша, вздохнув, бросила:

– Пойду-ка покурю! – и вышла на улицу, громко цокая высокими каблучками по каменному полу.

Насте никуда идти не хотелось. Приложив руки к щекам, она почувствовала, что на скулах горят багровые пятна. Надо же, а она была уверена, что внешне ее волнение никак не проявилось. Посидев немного, дождалась, когда лицо пришло в норму, и тоже вышла, не в силах оставаться больше в одиночестве.

Нервами, настроенными на Владимира, тотчас выхватила его из толпы одноклассников. Он с Вячеславом стоял несколько поодаль от основной массы, окруженный курящими девчонками. Настя помнила, что в школе он не курил и терпеть не мог курильщиков, но, возможно, с той поры он свои привычки и взгляды поменял.

Встав недалеко, с другой группой, но так, чтобы его видеть и слышать, Настя с воодушевлением включилась в общий разговор. Она кого-то о чем-то расспрашивала, что-то щебе-

тала, непринужденно смеялась, не поворачивая к нему головы, но тем не менее слышала каждое слово Влада.

Ей казалось, она раздвоилась, и одна часть, малозначимая, осталась здесь, а другая, основная, стоит рядом с Владимиром и внимательно его слушает. Девчонки расспрашивали его обо всем, что приходило в их буйные головы, но он ни на один вопрос не давал прямого ответа, отшучиваясь или ловко переводя разговор на другое.

Изнемогая от нервной усталости, Настя уже подумывала, как бы незаметнее удрать, когда из кафе появилась официантка и громко спросила:

– Кофе-чай подавать или еще посидите? Но кафе работает до одиннадцати, а уже половина.

Все засуетились. Как быстро прошло время! У Насти упало сердце. Еще немного, они с Владимиром распрощаются и она не увидит его еще лет десять, до следующей встречи одноклассников...

Нужно скорее уйти, чтоб не длить агонию. Она пошла медленнее, стараясь отстать от других и беспрепятственно исчезнуть. Еще немного, и она на свободе. А там можно будет укрыться в своей норке и без свидетелей зализывать раны. Но тут ее локоть обхватила твердая рука и повлекла в зал. Настя даже головы не повернула, и так было ясно, что это Влад. И что он к ней прицепился? Можно подумать, она для него что-то значит.

– Тебе понравилась эта встреча?

Ответила с осторожностью, стараясь найти верную интонацию:

– Конечно! Иначе где бы мы увидели друг друга. – И тут же спохватилась: – Ну, не тебя конкретно, а всех одноклассников.

Влад досадливо усмехнулся.

– Ну надо же, а я-то размышлял, идиот, что ты по мне соскучилась.

Немного отодвинувшись, Настя с вызовом сказала:

– С чего это я должна по тебе скучать? Ты же по мне не скучал.

Быстрым рывком подтянув ее обратно, так что ее локоть уперся в его бок, он натянуто спросил:

– Почему ты так решила?

Его горячее тело ужасно ее смутило и она не сразу поняла, что он имеет в виду:

– Что я решила?

Он посмотрел на нее с мягким укором. У нее мелькнула огненно-стыдливая мысль: он прекрасно понимает ее состояние. Гордо выпрямившись, с тайным трепетом ждала его ответа. Но тут к ним подошел поджидавший их Вячеслав, и разговор пришлось прекратить.

Сели за столы, на которых красовались коробки конфет, пирожное и чашечки кофе. Настя предусмотрительно налила себе вместо кофе минералки и съела одно пирожное. Любаша наоборот, выпила и свою порцию кофе, и ее, но не стала пирожное, заявив, что сидит на диете.

Вячеслав с явным облегчением принялся прощаться, но Люба его испуганно перебила:

– Неужели ты не подвезешь меня до дому? Сейчас уже так темно...

Настя усмехнулась про себя. Этот предлог остаться наедине с парнем был шит белыми нитками – Любашка жила на соседней улице и ничто ей не угрожало. Но Вячеславу, как воспитанному человеку, ничего не оставалось, как покорно согласиться. Они попрощались с оставшимися и пошли к выходу. От вина или от возбуждения щеки Любашки пунцово горели.

Настя с Владом, переговариваясь на ходу с друзьями, тоже двинулись к выходу. Она старалась оторваться от спутника, но он был настороже и постоянно держался рядом. Скучковавшиеся у кафе одноклассники принялись уговаривать их продолжить встречу в соседнем баре, но они дружно отказались. Не желая больше рвать сердце, Настя пожелала всем успехов и, не глядя в сторону Владимира, устремилась к дороге, но он решительно ее остановил:

– Не спеши, я тебя подвезу!

Отрицательно качнув головой, она невесело засмеялась:

– Не волнуйся, ничего со мной не случится. С удовольствием прогуляюсь, только и всего. Погода чудесная.

Тут он, невзирая на ее удивление и недоуменные взгляды одноклассников, обхватил ее за талию и засунул в свой Мерседес. Сел рядом, с вызовом посмотрел на нее, ожидая возмущенных протестов. Но она сердито молчала, остро переживая чувственное напряжение, мутным облаком повисшее в салоне.

Через пару минут затормозив возле нужного подъезда, Влад нахально спросил:

– На кофе не пригласишь? Или Надежда Дмитриевна будет против? – заметив ее удивленный взгляд, отчего-то нервно встряхнул кистями рук и кисло-сладко пообещал: – Я буду вести себя идеально. К тому же если начну охальничать, – от этого слова девушка немного поморщилась, но не слишком, понимая, что это просто метафора, – твоя мама меня тут же прогонит.

Мамы уже не было, но говорить об этом было слишком больно. Настя чуть прикрыла глаза, пытаясь понять, что ей сделать, чтобы избежать новой боли. Здравомыслие однозначно требовало отказать и уйти домой с гордо поднятой головой – для чего ей неприятности? Их у нее и без этого сомнительного визита вполне достаточно.

Она уже открыла рот, чтобы отшутиться, но вместо этого неожиданно для самой себя несмело кивнула головой. Стремительно, будто боясь, что она передумает, Влад выскочил из машины, распахнул дверцу, помог выйти Насте и они отправились наверх.

Войдя в квартиру, Владимир на цыпочках, чтобы не разбудить спящую, по его мнению, Надежду Дмитриевну, по привычке прошел на малюсенькую кухню, как делал многие годы. Огляделся и с удовольствием признал:

– Почти ничего не изменилось. Всё так же уютно.

Сел на свое прежнее место, и Настя принялась хлопотать, намереваясь напоить его чаем. Но он поймал ее за руку, пользуясь тем, что кухонька в шесть квадратов не оставляла простора для маневров.

– Да брось ты, я же не за чаем. Сядь. Поговорим.

Пожав плечами, она устроилась за столом напротив него. Он неспешно ласкал взглядом ее лицо и на краткое мгновение она вообразила, что несколько не хуже остальных девчонок. Но зеркальная поверхность столешницы тут же разоблачающе отразила кошмарный крючковатый нос. Подперев щеку рукой, она постаралась заслониться от смущающего ее взгляда и предложила:

– Ну, говори уже, в чем дело?

И с изумлением услышала:

– Ну, может, скажешь честно, какого лешего ты турнула меня три года назад? Как я понимаю, никакого друга у тебя нет. Специально интересовался.

Не веря своим ушам, она подозрительно посмотрела на него. Не кажется ли ей это? Для чего он выпытывает о ней личные сведения? Что за ерунда?

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Что, не можешь понять, зачем мне это надо? Я тоже не могу, но хочу разобраться. Есть что-то, что я не могу ни понять, ни забыть. Слишком мне с тобой было хорошо, ни с кем так не бывало.

Смущенно покашляв, прочищая сжавшееся горло, Настя открыла рот, но, не найдя, что сказать, молча закрыла.

– Не знаешь, что ответить? Конечно, я никогда тебе об этом не говорил, но, если честно, и сам понял это далеко не сразу.

Он нервно вытянул ноги и больно ударился коленом о ножку стола. С досадой встал и предложил:

– Слушай, давай в комнату пойдем, там всё же попросторнее.

Не дожидаясь разрешения, поднялся и перешел в большую комнату. Настя послушно пошла следом, как все годы их учебы. Влад всегда был лидером и у него даже тени подозрения не возникало, что, возможно, она вовсе не желает подчиняться его приказам.

Сел на диван, привольно вытянув длинные ноги.

– Ну вот, хоть немного, но полегче.

Настя хотела сесть напротив него в кресло, но он, выбросив руку, ухватил ее за локоть и посадил рядом. Недовольная его бесцеремонностью, она сердито посмотрела на него, но он лукаво ей подмигнул:

– Почти так, как прежде. Знаешь, как мне этого не хватало?

Она с подозрением уставилась на него. Разыгрывает или чувствует то же, что и она? Влад закинул руку на спинку дивана и она оказалась в кольце его руки. Почти в объятьях. Сердце забилося так, будто с ней приключился приступ тахикардии и она задышала ровно и размеренно, чтобы он ни о чем не догадался.

Но он всё равно догадался и со значением посмотрел ей в лицо.

– Что, понимает?

Она сделала вид, что не понимает, в чем дело.

– О чем ты?

– Не притворяйся, радость моя. Мы с тобой никогда не притворялись друг перед другом. Даже когда у тебя были месячные и болел живот, ты этого не скрывала. Не говорила, конечно, но я и так всё понимал. Так чего же притворяться теперь?

Настя сказала себе, что она медик и не ей краснеть из-за такой ерунды, но всё равно покраснела. Он провел костяшками пальцев по ее пылающей щеке и ностальгически вздохнул.

– Как мне хорошо с тобой рядом! Если честно, когда ты прощалась со мной на выпускном, я не уразумел, чем это мне грозит. Ну подумаешь, не будем сидеть рядом – какая ерунда. А оказалось – не ерунда. У меня будто часть души отрезали. Я понял, что чувствуют разлученные близнецы.

И склонился к ней еще ниже. У нее мелькнула болезненно-паническая мысль: неужели он собирается ее поцеловать? И потрясенно – а ведь для нее это будет впервые!

Но он не собирался ее целовать. Покосился на дверь и опасливо, как неуверенный в себе подросток, прошептал:

– У тебя мама крепко спит?

Что-то в его голосе звучало неприятное, казалось, он собирается сказать ей какую-то гадость, но не знает, как к этому подойти. Внезапно она всё поняла и опечаленно опустила голову. Ну и ну! Неужели она права? И сердито отрезала:

– Очень чутко!

Владимир оценивающе посмотрел на тонюсенькие двери и с сожалением произнес:

– Жаль. – И поднялся, прощаясь.

У дверей повернулся, взял ее за руку и предложил:

– Давай встретимся завтра в той же кафешке? В два часа? Поговорим без свидетелей.

От горячей руки Влада волнами расходились огненные иголки, мешая думать. Настя с сомнением посмотрела на него. Что-то ей говорило, что идти не надо, что кончится всё это болью и неприятностями. Для чего он решил возобновить их полудетскую дружбу? Жалости ей не нужно, из дружбы они выросли, а любовь между ними совершенно невозможна.

Но огненные иглы стали еще горячей, пронзая и сердце, и голову, и она, вместо того, чтобы отказаться, снова молча кивнула головой. Крепко сжав ей руку на прощанье, обрадованный Влад быстро сбежал вниз по ступенькам.

Глава третья

Утром она с непривычным рвением рассматривала свое печальное лицо. Изобразила широкую голливудскую улыбку, потом нахмурилась. И то и другое было одинаково противным. Безобразный клоун, корчивший гримасы с холодной серебристой поверхности, не мог понравиться ни одному нормальному человеку.

Хмуро напомнив себе, что неча на зеркало пенять, коли рожа крива, раскрыла дверцу шкафа. Вытащила джинсы, тонкий свитерок и, неслышно вздыхая, надела, собираясь на встречу с Владом.

Почувствовав, как от напряжения вновь начала болезненно биться жилка на виске, с горечью подумала: для чего она организует себе такие стрессы? Может, позвонить и сказать, что передумала? Она кинулась к телефону и набрала его номер. Прождала почти три минуты, но трубку так никто и не поднял. Можно было, конечно, позвонить по сотовому, но его номера она не знала. Вздохнув, покорилась неизбежному.

Вышла заранее и больше часа шаталась по окрестным улицам, слушая шорох упавшей листвы под ногами. Размеренное движение должно бы успокоить, но с приближением назначенного времени сердце билось всё сильнее, и противной мелкой дрожью начали подрагивать пальцы. Вот часы на перекрестке показали без десяти два и она, задержав дыхание, как перед прыжком в ледяную воду, зашла в кафе.

В небольшом зале было тихо и пустынно. Она села за столик у окна с видом на дорогу и задумалась. Зачем она здесь? Что у нее за идиотская манера травить собственное сердце?

Развязная официантка, явно запомнившая ее со вчерашнего дня, небрежно сунула в руки меню. Но Настя твердо отказалась:

– Я подожду. У меня еще знакомый не подошел.

Девушка с откровенным пренебрежением посмотрела на нее, хмыкнула, но отошла. На ее лбу откровенно читалось недоверие: и какой дурак назначает встречи таким кикиморам? Настя с досадой поморщилась. Ну да не привыкать, как говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.